

Григорий Андреевич Глинка

Древняя религия Славян

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	0004
БОГИ ВЫСПРЕННИЕ	0015
Перун	0015
Златая мать	0021
Световид	0022
Знич	0028
Белбог	0031
Сильный бог	0032
Дажбог	0033
Живот	0034
Лед	0035
Коляда	0041
Услад	0044
Лада	0045
Леля	0050
Полеля	0051
Дид	0052
Дидилия	0053
Мерцана	0054
БОГИ ЗЕМНЫЕ	0056
Триглава	0056
Волос	0057
Могошъ	0058
Купало	0059
Родомысл	0061

Сьва	0062
Зевана	0063
Чур	0064
Прове	0065
Радегаст	0066
Корс	0068
Ясса	0070
Позвизд	0070
Догода	0072
Зимстерла	0073
Зимерзла	0074
ПРЕИСПОДНИЕ ИЛИ ПОДЗЕМНЫЕ БОГИ	0075
Чернобог	0075
Ний	0077
Стрибог	0080
Яга баба	0080
Кикимора	0081
ВОДНЫЕ БОГИ	0083
Царь морской	0083
Чудо морское	0085
ПОЛУДУХИ	0086
БОГАТЫРИ	0088
ХРАМ СВЕТОВИДА	0092

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не столько недостаток в записях, относящихся до древнего славянского баснословия, сколько нестарание о развитии находящихся о сем предмете сухих сказаний, тому причиною, что мы не имеем до сего времени систематического описания сих богов. Бывшие вскоре по просвещении христианством славянских племен писатели имели причину мало упоминать или совсем умалчивать о идолослужении, тогда еще не совсем истребившемся, и может быть многими уважаемом как вере их отцов. Но нам баснословное вероучение разыскивать, развивать и сколько можно полнее представить нет опасности: ибо сие повествование для нас не иное что как пища любопытства; и если что-либо сего важнейшее из одного можем почерпнуть, то из создания человеком себе богов, естественно по своему образу, то есть по своему народному свойству, нравам, образу жизни, степени просвещения, и даже деятельности фантазии, сея первой произвестительницы всех во всяком роде вымыслов, лучше можем узнать

умное и нравственное обличие наших родоначальников. Изображения, дела, самая даже названия богов известного народа, суть сколько свойств оного. У индийцев, народа кроткого боги кротки и добры; злые же лишены власти, по крайней мере не иначе распространяют ее, как украдкою от надзирающих над ними добрых богов. Счастливое ахайское небосклонение веселость нравов жителей, живое воображение, лицеобразовало богов и с ними соединенные их деяния, забавными, приятными а можно думать, и во времена идолопоклонства греков, за приятные и часто полезные сказки, почитаемыми. Варварство, царствовавшее в Тавриде, вознесло на ступень богини Диану (может быть так названное греками божество, и иначе там именовавшаяся), требующую крови странников.

Разнообразно для каждой на земном шаре страны отверстые естественные небеса, различные воздушные явления, растворение воздуха, от него происходящее плодоносие земли, как в количестве так и в качестве произведений, самый землелог тех стран, присокупленные к свойству народа, способство-

вали к соображению сих мечтательных существ. Почему рассматривая рассудительным образом баснобожие древних славян, упова-тельно, что откроем несколько завесы древности, скрывающей от нас свойство их умона-чертаний об окружавших их вещах, даль-ность познаний, нравы, и хотя несколько, са-мый образ их мыслей.

Описывая произведение фантазии или мечтательности, я думаю, что не погрешу, ес-ли при встречающихся пустотах и недостат-ках в ее произведениях, буду наполнять соб-ственной под древнюю статью фантазию. Правда, стершиеся или слияные места в древних картинах, подправленные новыми красками, хотя и на старинную статью, умень-шают цену картин; но лучше ли ничто, неже-ли что-либо? И не лучше ли Фидасова Венера с подделанными во вкусе сего знаменитого древнего мастера руками и ногами, нежели, когда б осталось одно только ее туловище, и то может быть местами еще выбитое?

Известно, что исправив или коррекции древних греческих и латинских писателей их учинили лучшими но все ли исправки сдела-

ны в попад на авторово слово или мысль? И может быть иные не сделали под видом правок рукописи, исправленным самого автора в словах и мыслях, за что бы он сам в состоянии нашёлся поблагодарить.

Я переселяюсь в пространные и разнообразные области фантазии древних славян; бродя по ним, стану собирать всецелые мечтательные идеи и малые их частицы, и сии последние сообразуясь их устройению, дополнять материальными сего же царства и по законам воображения или мечтания.

Хотя же происхождение богов или феогония славянская для нас не сохранилась; чему в свое время конечно быть надлежало; однако же из свойств богов или лучше, естественных вещей, их деяний и явлений можем заключить и о мечтаемом оных происхождении. «Едда» несколько ясно повествует о чине, порядке в происхождении цельтийских богов; из греческой феогонии родословная оных для всякого сведомее, нежели немецкому молодому барону его собственная. Славяне жили в соседстве с теми и другими, и станется, в своих мечтаниях подражали и тем и дру-

гим, а может быть и подлинниками в оном обоим были. И так я, следуя как греческим разделителям богов, так особенно вникая собственно в славянское баснобожие, и почти изгладившихся касательно сего черте доискиваясь, разделяю из самого свойства сих богов на выпсренних, преисподних, земных и водных.

1. И так в число превыспренных богов поставлю обоженные существа вне земли находящиеся, а на оную только показывающие свои действия, ощутительные человеку. И таковые боги будут:

Перун, движение эфира, гром.

Златая Баба, тишина, покой.

Световид, солнце, жизненная теплота.

Знич, начальный огонь, эфир.

Белбог, благо и доброе начало.

Сильный бог, крепкий бог.

Дажбог, благополучие.

Живот, сохранение жизни

Лед, война.

Коляда, мир.

Услад, удовольствие.

Лада, красота.

Дети ее:
Леля, любовь.
Полеля, брак.
Дид, супружество.
Дидилия, деторождение.
Мерцана, заря богиня жатвы.

2. Земные те, коих свойства отвлечены от земных полезных произведений, для жизненных человека потреб, или токмо к удовольствиям оныя служащих, и которых они кажется были покровителями.

Тригла, земля.
Волос, Могош, боги, покровительствующие скоту.
Купало, земные плоды.
Родомысл, податель благих советов.
Съва, богиня плодов.
Зевана, богиня звероловства.
Чур, бог межей.
Проне, или Прове, бог прорекания.
Родегаст, бог странноприимства и городов.
Корс, бог пьянства.
Ясса
Позвизд, бог бурь и ветров.

Догода, зефир.

Зимцерла, или Зимстерла, весна.

Зимерзла, зима.

3. Преисподние боги, кои изображают собою месть и казнь, наследующую за беззаконием и пороком.

Ний, владычествующий над преисподними странами.

Чернобог, бог отмщения.

Яга баба.

Кикимора, бог сна.

4. Водные, коих власть простирается над водами, оные суть:

Царь морской. Русалки.

Чудо морское. Водовики, водяные черти.

Духи:

Лешие. Куды.

Домовые. Черти.

Стени. Бесы.

Лизуны.

Полубоги, или богатыри:

Полканы. Волхв.

Волоты. Волховец.

Славян. Рудоток.

Озера обоженные: Ильмер. Студенец.

Реки: Буг. Дон.

Впрочем к чистоте рассудка славянского народа может отнестись то, что их вера, из многих языческих /не говорю всех/ есть чистейшая. Ибо их боги суть естественные действия, благотворением своим имеющие на человека влияние, и служащие к страху и казни беззакония, равномерно как природные свойства и совершенства обоженные.

Сие проникнув творец «Владимирияды», так говорит в оной:

*В чем Север признавал священны
божества;
То были действия и свойства
Естества,
Людские слабости, сердце слепые
страсти.
И еще можно бы к сему было при-
бавить добрыя и благотворныя
деяния.*

Во всем их баснобожии нет ни одного бога, которого бы можно было счесть обиженным

человеком, как то мы находим у греков (я не говорю о римлянах, все от них занявших), и образцов их финикиан, египтян и ассириян. А сие должно приписать естественному свету их ума, что смертные не могут быть бессмертны. Положение простое, но, мнится, худо вразумленное народами, хвалящимися своим просвещением, и нашими во многом учителями.

Впрочем, кажется, не неизвестно было Всевышнее Существо славянам, Существо Всемогущее всесотворяющее, и словом, Бог богов и оному-то собственное наименование было Бог. Прочие же были ему как бы подчиненные, или больше, лицеобразованные свойства природы. Бог, яко податель света, теплоты, плодородия земли и оживитель природы, назван Световидом; а отвлеченно оный же будет бог просвещения и света ума. Бог, причиняющий гром, молнию, наречен Перуном; он же в отвлеченности, есть бог устрашающий яростью эфирно-огненных ударов, беззаконников. Бел-бог, или добрый бог, есть податель всяких благ. Крепкий бог, одно из свойств Вышняго, божество подлинно нравственное.

Но все сие из описания в особенности каждого бога будет видно с очевидною ясностью. Упомяну только нечто о богине Ладе и ее детях. Ничего нет, кажется, остроумнее, чтобы красота Лада была матерью четырех чад своих; число их полно; прибавить нечего, но убавление несовершенство. У красоты, Лады, первый сын Леля, то есть любовь; за Лелею следует второй, Полеля, или брак; что нравственнее, как любви быть оканчиваемой браком; но сего еще недовольно; следует сын, бог супружеской жизни, и оный есть Дидо, коего супруга Дидилия, богиня деторождения, покровительствует сию нескверную жизнь. Нет ничего прекраснее сего семейства; потому что нет ничего вообще одобреннее, и оно есть сама истина, в разных лицах представленная.

Вот картина, показывающая что славянское баснобожие было рассудительное, боги же их из отвлеченных понятий были лицеобразованы, и притом часто остроумно и всегда верно. Если отнимем мы баснословные названия, то ныне и мы не иначе мыслим, и предки наши; кажется даже, что сей способ мыслить всем просвещенным народам общий.

Красота, любовь, брак, замужество, деторождение суть у всех человеков понятия и действия сцепляющиеся. Солнце благодворит земной природе; гром наводит страх; золотая природа, обща людей мать; благодь, крепость, подаяние благ, живородательство, свыше проистекающие, суть идеи древних, на коих они создали храм своего многобожия

БОГИ ВЫСПРЕННИЕ

Перун

— Грозное славянское божество. Он почитался производителем всех воздушных явлений. Рука его управляла громом и молниями. Кажется, что славянскому Перуну столько же прилично, как и Гомерову Зевсу, приложение «погонятеля облаков». Сие божество особенно было почитаемо в Киеве и Новгороде. В первом, храм его сооружен был на холме над Боричевым потоком.

Г. Херасков во «Владимириаде» так описывает сей храм:

*Сей храм, ужасный храм, над Боричевым током,
Стоял сооружен на холме превысоком;
Курений восходил перед кумиром дым,
Запекшая кровь видна была пред ним.
И он же и в другом месте:
Созижден высоко Перунов гордый*

храм,
Он тени распростер далеко по го-
рам:
Пред ним всегда горит неугаси-
мый пламень,
При входе утвержден краеуголь-
ный камень,
И камнем гибели народом наре-
чен;
Он черной кровью отовсюду омо-
чен;
На нем несчастная та жертва
трепетала,
Свирепости жрецов которая пи-
тала:
Там смертоносные оружия ви-
сят,
Сосуды кровию наполнены стоят.

Владимир по принятии над Россией само-
державия, в честь сему божеству соорудил
многие храмы. Стоявший же над Боричев-
ским потоком, может быть им только возоб-
новлен и украшен будучи построен еще из са-
мых древних времен. Самое наименование
сего ручья не произошло ли от отеческого
имени Перуна?

Первоселенцы киевские будучи сарматско-

го происхождения и пришедши туда, вероятно, от Скандинавского полуострова принесли с собою цельтских богов. Боричем может быть назывался Перун, как и Один, сын Бора, отчего и холм и поток или ручей названы Боричевыми; ибо Бор был отец богов, или лучше отец Одина, владыки скандинавских богов. Самые цельтийские жрецы утверждали, что они происходят от сего Бора.

Перун, в настоящем значении сего слова, берется за громовую стрелу, или естественнее, за молнию, за электрическую струю, или за громовую искру. Но вероятнее кажется, нарицательное слово получило начало свое от собственного наименования бога грома. Перун кажется происходит от слова Торым или Торум, которое на сарматском языке значит всевышнее существо, бог. Истукан сего божества был сделан не из одного вещества. Стан был вырезан из дерева; голова вылита из серебра; а уши и усы изваяны из золота; ноги же выкованы из железа; в руке держал нечто, похожее на молнию, которую представляли вместе составленные рубины и карбункулы. Перед ним горел неугасимый пламень, за

небрежение коего жрец наказывался смертию, состоящею в сожжении его как врага божества сего.

Во «Владимириаде» он описан несколько отличное от сего; однакож совершенно соответственно столь высокому божеству:

*Сей мрачный храм вмещал ужасного кумира,
На нем златый венец, багровая порфира;
Извитые в руке Перуны он держал,
Которыми разить во гневе угрожал;
Златые на челе имел велики роги,
Серебряную грудь, имел железны ноги;
Горел рубинами его высокий трон,
И богом всех богов именовался он.*

Из сего описания явствует, что он был ужасное громомечущее божество; а потому в смысле нравственном беззаконных казнитель и истребитель. Он также почитался владыкою между богами, и крепким; словом, произвестителем всего ужасного в природе для человека.

*Пространный шар земной лица
его трепещет.
Разит перунами, он молниями
блещет,
Убийство на челе, смерть носит
на очах.
Его венец змеи, его одежда страх.
«Владим».*

А потому и жертвы были сообразны с воображаемыми свойствами царя богов. В честь ему закалывали скотов... Суеверие же, по глупости почитаемое существенною частию самого себя ему жертвовало, т. е. бородою и головными волосами, обривая их.

Из посвященных ему вещей, были целые леса и рощи, из коих взятие всякого сучка почиталось достойным смерти святотатством.

Исключая многие страны и города, в коих были сему богу посвящены божницы, великолепнейшая была в Киеве над Боричевым потоком, князем Владимиром воздвигнутая, или лучше украшенная. Другая не менее великолепная была в Новгороде, которая сооружена дядею его Добрынею, пожалованным им в Новгород посадником или наместником.

Обе они получили свой конец по просвещении России христианством, равно как и кумиры Перуновы, и свержены киевский — в Днепр, а новгородский — в Волхов.

Здесь приложу я кстати отрывок древняго или древнюю статью сочиненного гимна:

*Боги велики; но страшен Перун;
Ужас наводит тяжела стопа,
Как он в предшествии молний своих*

*Мраком одеян, вихрьми повит,
Грозные тучи ведет за собой.
Ступит на облак — огни из-под
пят;*

*Ризой махнет — побагровеет
твердь;*

*Взглянет на землю — вострепет
земля;*

*Взглянет на море — котлом за-
кипит.*

*Клонятся горы былинкой пред
ним.*

*Страшне! Свой гнев ты от нас
отврати!*

*Бросив горсть граду во тысячу
мер;*

Только ступил, уж за тысячу

верст;

*Лишь от пяты его облак зардел;
Тяжка стопа гул глухой издала.
Кой горы, море и землю потряс,
И лишь сверкнуло возкрае риз.*

Златая мать

— Как Перун был бог гневной, так противно оному Златая мать, или иначе, Баба была богинею тишины и покоя. Истукан ее был сделан из золота в виде женщины; а от сего и наименование свое получила, равномерно как и от свойства, приписываемого ей. На руках она держала младенца, который почитался ее внуком, и от коего названа Бабою, т. е. Бабушкою. Сей внук был Световид. Вокруг истукана находилось великое множество музыкальных орудий, на коих во время ее праздненства были ей воспеваемы хвалы. Храм же ее славнейший был сооружен при реке Обиге или Обеге. Здесь она давала ответы; а потому храм сей почитался прорицательным, и был в великой славе. Она столь была свято чтима, что мимо ее истукана никто не смел пройти, не принеши чего-либо

на жертву, и если ничего не имел, то по малой мере клочок от своего платья с земным поклонением подносил. Сия богиня кажется была тоже, что цельтийская Фригга или Фрея, которой одной приписывается пророчество: «Единая Фригга весть будущая, но никому сего не открывает», — слова Одина, приведенные в «Едде».

Световид

— Божество, бывшее у славян в великом почитании. Он имел Севере два славные храма: один на острове Ругене в городе Ахроне, а другой в Холмограде, который полагается на самом том месте, где село Бронницы, на находящемся оногo холме, на коем теперь построена церковь св. Николая.

Истукан его был сделан из дерева величины огромной. Он имел четыре лица, на каждую страну света по одному. Бороды не имел; кудри у него были завитые; одежда на нем была короткая. В левой руке был лук, а в правой рог выкованный из металла. При бедре имел превеликой в серебряных ножнах меч; в стороне висели седло и узда коня его, так же

непомерной величины. Сей истукан стоял посреди храма, завешенный великолепными красного цвета занавесками. Он давал ответы через уста жреца однажды в год. В то время сей главный жрец входил в святилище сего бога, удерживая свое дыхание, и при надобности в оном или выходил вон, или выставлял только из святилища голову. Сей единогодний праздник справлялся с продолжительными торжественными обрядами. Оный начинался по окончании жатвы, что будет в месяце серпене или августе. И тогда народ собирался перед капище, пригонял множество скота, как в жертву своему Богу, так и для празднования сего знаменитого их праздника. За сутки до торжественного дня сам начальствующий жрец выметал храм сего бога. На следующий день жрец брал из руки световидовой рог, за год наполненный вином, предсказывал о плодородии следующего потому, сколько в нем убыло; ибо верили, что если много из рога убыло, то год будет бесплоден; если же мало, то ему надлежало быть плодородну. И сие вино выливши пред стопами Световида, наполнял рог сей новым, и вы-

пивал в честь оного, моля, чтобы даровал во всем изобилие, богатство и победу на врагов. Потом наполнив сей священный рог новым вином, влагая в его руку, моляся купно со всем народом; после чего приносимы ему были многочисленные жертвы от волов до овец. По совершении сих жертв, вносили огромной величины круглый пирог, сделанный из пряничного теста, в коем мог поместиться человек. В сей пирог служитель световидов вошедши спрашивал народ, видит ли его? — Люди ответствовали, что нет — тогда обратясь к Световиду, молил его, чтобы на предбудущий год хотя несколько его увидели. Здесь кажется, жрец спрятавшись в пироге, представлял солнце в удалении от нашего полушария, или зимнее время; и потом молил Световида о его возвращении. Поелику не только имя, но и все признаки являют, что сей бог был изображение светила одушевляющего наш мир. Четыре лица, есть четыре години, или времена года. Стрелы и лук, как у греческого Феба — Аполлона, значили лучи солнца. Белый конь, ему посвященный, знаменовал видимое движение сего благотворного

светила; рог в руке, обилие повсюду проистекающее от его священной теплоты; меч же означал его как бога защитника и покровителя славян.

После сего обряда с великим благоговением приносили в жертву множество скота; и тогда жрец, сделав народу пространное поучение, поощрял оный к прилежному почитанию и жертвованию сему богу; а за сие обещал им земное плодоносие, здравие, победу на врагов на суше и море. Иногда же сему идолу приносили в жертву пленных своих неприятелей как богу защитнику своему на бранях; сей бесчеловечный обряд отправлялся таким образом: невольника (по всему видно, что из ратных людей) одевали в панцирь или во всеоружие; сажали на оседланного коня, коего ноги привязывали к четырем сваям, равно и несчастного лошади, и положи под оною дров, сожигали их обоих. Жрецы уверяли народ, что такая жертва приятна Световиду. Кажется, что сим хотели они возбудить в народе вящую жестокость к врагам своим, в коей надеялись пользоваться победами его над ними, приносившими жрецам немалую

прибыль; ибо от всякой военной добычи Световиду наверно приносилась не больше как третья часть. Что самое кажется быть весьма естественно, соображаясь токмо с тогдашними обстоятельствами, где идолопоклоннические священники одни имели свободный доступ в таинственное святилище наук, грубое же невежество было общею долею простонародья; а посему влияние первых на сих последних долженствовало быть всемогуще-ственно, и которое недопускало их проникнуть корыстолюбивые жрецов виды. По окончании всех обрядов богослужения и жертвоприношения, народ начинал есть, пить и веселиться...

Световиду посвящен был белый конь, на коего никто кроме первого жреца не мог сесть. У сего коня, даже до волоса, все было священно, и под опасностью потери жизни не позволялось ни из хвоста, ни из гривы ни одного выдернуть. Уверяли, что Световид ездил на оном побеждать их неприятелей. А сие подтверждалось тем, что когда под вечер коня оставляли вычищенного, по утру находили его запотелого и загрязненного; из чего

заклучали, что Световид ездил на нем для поражения их супостатов. Смотри же по тому, больше или меньше была умучена лошадь Световида, таковому и успеху брани быть думали. Сей конь так же служил прорицателем, начинать ли или не начинать, равно ли хорошо или несчастливо будет продолжение войны. Для гадания ставили перед храмом шесть коней по два в ряд и в известном расстоянии. К каждому двум привязывали по копьё поперек так высоко, как только лошадь может перешагнуть. Прежде нежели лошадь начинали вести между копий, жрец с известными обрядами молился Световиду, читая многие нарочно для него сочиненные молитвы. Потом с благоговейными обрядами брал коня за узду и вел через три поперечные копьё. Если лошадь шагала наперед через них правою ногою и притом через все три не запутавшись, то обещали себе окончание войны самое благополучное. В противном же случае трепетали о всяком несчастии; а смотря по сему отлагали и самую войну.

Храм световидов был весьма богат; ибо сверх разных вкладов, получал он из военных

добыч третью часть, и триста всадниковсражались собственно от Световида, полученную добычу всю приносили. Ругенского световидова храма и истукана его участь была та, что Вольдемар, король датский в 1169 году по Р. Х., взявши остров Руген и город Ахрон, капище разорил и ограбил, а истукан ободравши, приказал рассечь и сожечь. Что касается до Холмоградского световидова храма, то оный одну участь имел с прочими идольскими капищами, будучи разрушен по возприятии Россиею святого крещения.

Знич

— Под сим божеством славяне разумели начальный огонь, или животворящую теплоту, способствующую к произведению и охранению всех существ. Славяне о сем начальном и жизнедательном огне были таких же мыслей, как парсы или гебры о своем священном огне, полагая его оживотворителем всех живых существ. И в самом деле:

*В алмазде он блистает,
В яхонте же он зарит;
Он в холодном льде пылает*

*В темном облаке гремит.
Гордые главы сибирских
Возносит кедр к облакам;
В травках обитает низких;
Красоту дает цветам.
Крепость, бодрость в льва влагает;
В тигра же стремленье, жар.
Все родит, растит, питает,
И всему собой сам дар.
Он душа природы всей;
Он начало всех вещей.*

Славяне повсюду его видели; удивлялись ему; но не будучи эйлерами, не могли истолковать и объяснить его: могла ли им по их простоте и малому просвещению взойти такая тонкая мысль, что этот начальный огонь, начальная теплота, есть даже причина самого огня, самой теплоты: это эфир? то тонкое вещество, по всей природе разлитое, образующее адамант и в нем находящееся, дающее цвет розе, рост кедру, блистающее в самом льде, и коего слабое в вещи сотрясение производит теплоту, а сильный жар или растопляющий оную, или пламенем ея пожирающий? — Они подобно другим живущим в

простоте народам сдедали из сего непонятно-го для них существа себе божество, наименовав его Зничем.

Теперь станем говорить о сем начальном огне как о божестве славянском. Знич не имел никакого изображения; но токмо был неугасимо горящий огонь, наподобие Вестина огня в Риме. Храмы, в коих содержался сей священный огонь, находились во многих городах. Сей неугасимый огонь получал себе жертвы, которые как световидовы, состояли из части корыстей от неприятеля полученных. Ему жертвовали так же и пленными. А из сего заключить можно, что действию Знича приписывали военный жар и храбрость. К оному так же прибегали находившиеся в тяжких болезнях, желая получить облегчение. Служители Знича, показывая себя воодушевленными или вдохновленными сим божеством, во имя его немоществующим давали ответы, содержащие в себе средства к излечению их. В заключение приложу из «Владимириады» описание сего божества:

*Тогда отважный Знич, блистающ
весь извне;*

*Вещал: намеренья сии не нравны
мне.
Я хижинам свещу и озаряю тро-
ны;
Во существе огня я россам жизнь
дарю,
Питаю, грею их, их внутренности
зрю.*

Белбог

— Само название означает его благим. На других наречиях славянского языка назывался так же Бельций Буг, что значит одно и то же самое.

Изображался он покрытым кровию, и обсевшим по оной великим множеством мух, что кажется было знамением питателя тварей, в правой руке держал кусок железа.

Храм он имел на острове Ругене в городе Ахроне, где ему, точно как и Световиду, воздавалось почтение, особенно же от славян, живших при Варяжском (Балтийском) море.

Ему не жертвовали кровию, но в честь его отправлялись пиры, игры и разные забавы. Под сим божеством наши праотцы разумели

благоденствия, ниспосылаемые тварям природою, сохраняющею их. То правда, что чернь почитала ея ощущаемое то есть самый истукан; но служители или истолкователи их веры конечно, разумели в смысле отвлеченном благость природы, дщери благого царя и общего всех миров отца.

Сильный бог

— У всех древних народов телесная крепость почиталась даром свыше ниспосланным; а потому таковые люди у греков были полубоги, т. е. рожденные отцом или матерью бессмертно, и обратно коим-либо из двух смертных. Греки их звали героями; что славяно-руссы обозначали словом богатырь. Сие слово, по изъяснению одного нашего знатока отечественной истории, есть татарское ба-тырь, и значит силач; можно бы было сему поверить, если бы прежде сообщения русских с татарами оное не было в употреблении; вернее же оно составлено из славянского бог сарматского тир или тирар (по его же истолкованию) пасынок; что самое как названием так и смыслом ближе к понятию богатыря подхо-

дит; и я лучше верю, что татарское батырь есть русское перепорченное богатырь.

Под сим божеством чтили славяне дар природы телесной крепости; это был лицеобразованный греческий Марс или Арей. Изображение его было в виде мужа, держащего в правой руке дротик, в левой же серебряный шар, как бы через то давая знать, что крепость обладает всем миром. Под ногами его лежала львиная и человеческая головы, поелику и та и другая служат эмблемою телесной крепости.

Дажбог

— Сие божество было так же благородное, сподатель всяких благ земных, богатства, счастья и благополучия. Жертвовали ему только усердными молитвами и испрошением у него милости; ибо благотворение не требует ничего кроме прошения и признательности. Г. Херасков прилично именует его во «Владимириаде» — «Дажбог плодовитый», когда верили, что от него получают всякие блага, как от неиссякаемого источника. Божницу он имел в Киеве. Он служил эмблемою

благополучия, которое обоготворяли древние римляне.

Живот

— Сие божество было в почтении у полянских славян, имя его означает жизнедателя или сохранителя жизни. Это был другой Вишну славянский. А как и самое название греческого Зевса или Юпитера производят от греческого слова жизни, то не почерпнули оба народа первоначальные понятия о сих существах из одного начала? И не преобразили ли греки своего в существо грозное, когда поляне имя и соединенное с ним понятие живохраниителя и животодавца сберегли? Сие божество было у полян из первостатейных, и имело свои храмы. Впрочем понятие о существе животохранящем кажется мне точнее и чище нежели понятие о боге-лекаре, Аполлон ли то был, или сын его Ескулапий. О сем божестве упоминается только в польских древностях; почему его и называю собственным божеством полянских славян.

Лед

— Ему славяне молились о успехах на сражениях, и он почитался начальствующим над воинскими действиями и кровопролитием. Сие свирепое божество представлялось во образе страшного воина, вооруженного в славянскую броню, или всеоружие. При бедре меч; копье и щит в руке. Сие божество имело свои храмы; война доставляла ему жертвы. Идучи против неприятелей своих славяне молились ему, прося о помощи, и делая обещания по побеждении неприятелей принести ему обильные жертвы. Вероятно, что сие божество больше нежели другие первостепенные получало кровавых жертв; и в смысле более почтенном, храбрости, бессмертия и мужества. Впрочем, древних славян нельзя упрекать человеческими жертвами, между тем, как мы видим древних греков таковые жертвы приносившими, и, что еще ужаснее, жертвовавшими своими единокровными, детьми. Обагрямый человеческою кровию у германцев Ирмензулов храм, сирийский Молох, норманские камни, доказывают,

что в первобытной грубости, или по впадении в оную, почти всеми народами обладало кровавое суесвятство. Сверх сего славяне (не говоря о всех поколениях, но разумея привыкших к брани и кровопролитию) приносили в жертву своим богам только врагов.

Из древних летописцев видно, что за отдачею от храмов Леда, чтили его в мече или сабле, вынутой из ножен и воткнутой в Землю, поклоняясь ему и моля о помощи.

Здесь кажется кстати упомянуть о славянских до Рурика бывших богатырях. Древнейший есть князь Славен. Сие имя кажется нарицательное, значащее славянский князь, либо собственное, но данное ему от приобретенной им славы; ибо славяне до него носили свое имя. Дети его, славный Волхв, воевавший с народами, обитавшими по берегам реки Волхова, прежде именовавшейся Мутною рекою, и братья его Волховец и Рудоток. Знаменитый Буривой, воевавший с варягами (морскими разбойниками, может быть норманскими, а не русскими), мудрый Гостомысл, его сын, богатырь и законодатель.

Но каковы славянские и славяно-русские

были богатыри, то видно из следующего сказочного богатырского повествования.

*Начинается сказка
От Сивка от Бурка
От вещь коурка
На честь и на славу
Отецкому сыну,
Удалому витязю,
Храброму рыцарю,
Доброму молодцу,
Русскому князю,
что всякие силы
Сечет, побивает;
Могучих и сильных
С коней вышибает;
А бабу Ягу
На полати бросает;
И смерда Кащея
На привязи держит;
А змея Горыныча
Топчет ногами;
И красную девку
За тридевять море
В тридесятой Земле
Из-под грозных очей
Из-под крепких замков
На белу Русь увозит.
А выдет ли молодец*

В чистое поле?
Он свиснет, он гаркнет
Свистом богатырским,
Криком молодецким:
«Ты, гой еси конь, мой!
Ты, сивка, ты, бурка,
Ты вещь коурка!
Ты стань передо мною,
Как лист перед травой».
На свист богатырской,
На крик молодецкой,
Откуда ни возьмется
Конь сиво-бурой.
И сиво-коурой.
Где конь побежит,
Там Земля задрожит:
А где конь полетит,
Там весь лес зашумит.
На полете конь из рта
Пламенем пышет;
Из черных ноздрей
Светлые искры бросает;
И дым из ушей
Как трубами пускает.
Не в день и не в час,
Во едину минуту
Перед витязем станет.
Удалой наш молодец

Сивку погладит.
На спинку положит
Седельце черкасско,
Попонку бухарску,
На шейку уздечку
Из бедова шелку
Из шелку персидскова.
Пряжки в уздечке
Из Краснова золота
Из аравитскова,
В пряжках спенечки
Из синя булата.
Булата заморскова.
Шолк не порвется;
Булат не погнется;
И красное золото
Ржаветь не будет.
У доброва молодца
Щит на груди,
На правой руке перстень;
Под мышкою палица
Серебряная;
А под левою меч
Со жемчужиною.
Богатырская шапка;
На шапке сокол.
За плечами колчан
С калеными стрелами.

*В бою молодец
И битец и стрелец:
Не боится меча,
Ни стрелы, ни копья.
Он садится на бурку
Удалым полетом;
Он ударит коня
По крутым по бедрам
Как по твердым горам.
Подымается конь
Выше темнова лесу
К густым облакам.
Он и холмы и горы
Меж ног пропускает;
Поля и дубравы
Хвостом устиляет;
Бежит и летит
По землям, по морям,
По далеким краям.
А каков добрый конь;
То таков молодец:
Не видать, не слышать,
Ни пером описать,
Только в сказке сказать.*

Вот изображение русского богатыря! Вот пример древнего русского эпического стихотворства!

Коляда

— Под сим богом разумели наши предки мир и сопутствующее с оным блаженство, а посему праздники в честь сему боже-ству отправлялись играми и весельем. Оные начинали в конце месяца студенья, или 24 декабря. Зимую может быть для того были уставлены ему праздники, что славяне никогда в сие годовое время не воевали, но наслаждались покоем по военных трудах. Сему присно-юному, веселому, всеблагому и повсюду раз-вевающему обилие божеству жертвовали пе-нием, пляской, играми и разными забавами. Праздники же ему посвященные препровожд-дали в пирах и веселостях. Нынешние загады-вания девушек о святках, кажется и тогда су-ществовали; ибо когда лучше думать о любви и замужестве, как не во время отдыха, покоя, наслаждаясь обилием богатой осени? Впро-чем, сему божеству молилися, прося у него мира, тишины и изобилия в земных плодах и скоте. Равно по учинении с неприятелем ми-ра, ему приносилось благодарение, и празд-новали его праздники пирами и весельем.

Празднования нарочные начинались в честь ему с вечера на 25 студеня. Остаток оных еще и поныне между нами уцелел. В сей вечер собираются девушки (инде же молодые ребята), и приходя под окно к каждой избе поют следующую песню, которая, судя по слогу, кажется быть очень древняя. Вот она:

*Виноградье красно почему спознать?
Почему дом Устина Малафеевича?
У его вот у двора все шелкова трава,
У его то у двора все серебряной тын;
Ворота у него дубовыя;
Подворотенки рыба зубья.
На дворе у него да три терема:
В первом тереме да светел месяц;
Во втором терему красно солнышко;
В третьем терему часты звезды.
Что светел месяц, то Устинов дом;
Что красно солнце, то Улита его;
Что часты звезды, малы детушки.*

*Да дай боже Устину Малафеевичу
С борзых коней сыновей женить;
Да дай боже Улите Хавроньевне
С висока терема дочерей выда-
вать.*

*Подари, государь, колядовщиков;
Наша коляда ни рубль, ни полти-
на,*

Наша коляда всего пол-алтына.

По пропетии сих песен, колядовщицы получают несколько денег, или больше из пшеничного теста напеченные безделушки; а молодым ребятам колядовщикам в иных местах выносят по ведру или больше пива, которое они сливают в возимую с собою бочку.

Все так называемые святочные игры суть останки древних в честь бога мира празднований. В сие время девушки гадают о своих суженых, т. е. роком определенных будущих мужьях своих; поют именуемые по святкам подблюдные святошные песни, которые я здесь для того не привожу, что они слишком известны всякому из моих читателей.

Услад

— Радость на челе, румянец на щеках, уста улыбающиеся, увенчанный цветами, одетый нерадиво в легкую ризу, играющий в кобзу, и пляшущий на голос оныя, есть бог веселья и жизненных услаждений, спутник Лады, богини приятностей и любви.

Услад, прельщающий воззрением одним...

«Владим».

Он был почитаем покровителем всяких удовольствий и увеселений. Кажется, что сие божество начально изображало душевные и телесные удовольствия; но как все отвлеченное между народом преобразуется в чувственное и грубое, умственное же в вещественное, то и Услад почитаем был богом роскоши, пиров, утех, увеселений, забав и особенно столовых, явственных услаждений, как Корс пьянства. Человек чувственный все любит приноровлять к своим страстям, кои обратно приписывает всему извлеченному чувственности и страстей. Наконец скажу, при

всяких пиршествах (в коих точно как и в питье полагалось в древности все человеческое блаженство) сие божество было призываемо и умоляемо

Лада

— **Л**еля, Полеля, Дид, Дидилия. Вот прекрасное семейство, какового не могло выдумать и греческое игривое воображение! Что естественнее, как красота с своими детьми, любовью, браком или сочетанием, супружественной жизнью и деторождением?

Богиня красоты и любви всего более чтима была в Киеве. Владимир до крещения своего будучи влюбчив и повсюду собирая красавиц, весьма чтил сию Царицу любви. Он ей воздвигнул великолепный и преукрашенный на Горе храм.

Г. Херасков так оный описывает:

*Храм Ладин пестрыми гордящийся
столпами,
Сплетенными из роз обвешан
вкруг цепами.
Богиня, отрока державшая в руке,
Являлась в бисерах и в миртовом*

венке;
У ней распущены власы, подобно
злату;
За щедрости ея цветы приносят в
плату.

«Владим», песнь III.

и в другой (11) песне:

И в нем (храме) величество небес
изображает.
Ступеней семь, и семь вокруг
идола столпов...

Из сего списания Пиита видно, что храм ея был великолепный, и, может быть, великолепнее Перунова.

Лада изображалась в виде молодой прекрасной женщины, в розовом венке; волосы у нее были золотоцветные; одетая в русскую одежду, опоясанная золотым поясом и украшенная жемчугами. Она держала за руку младенца, который есть бог любви Леля.

И златовласая с младенцем зри-
ма Лада.

Херасков.

Служение сей приятной богине было сходственное с ея свойствами. Ей пели в честь песни и приносили курение аромат и цветы.

Российский эпический творец так оно описывает:

*Девицы, окружив кумира в стройном чине,
Со умилением воспели честь богине:
«О, нашей юности хранящая цветы!
Дай, Ладо, мирное супружество нам ты!»
Мастики перед ней как облак воскурили,
И имя Ладино стократно повторили.
В то время возгремел кимвалов громких звук;
Девуцы жертвенны, составив цепь из рук,
Когда произвела приятный голос лира,
Плясанье начали при песнях вкруг кумира.
Приходят пред алтарь и жрицы и жрецы,*

*Носящи для девиц богинины вен-
цы,
Которых на главы священно воз-
ложенъе,
Обязан князь чинить любви во
уваженье.
Владимир оросил, начав обряд та-
кой,
И руки и чело священною водой.*

Вот описание служения богине любви, не требующее никакого дополнения: потому что в другом месте автор «Владимира возрожденного» дополнил оное так:

*Краснее утренней зари отрокови-
цы
Несут уже цветы во храм любви
царицы;
Преображается в помост пре-
красный луг,
И девы юные кумира стали вокруг.
Горящих звезд число они изобра-
жают,
Который луну блестящу окружа-
ют...
Едина между сих сияет паче
всех...
Ей первой жребием готовился ве-*

*нец,
Который на девиц възлагает князь
иль жрец.*

Развивая немногие слова, оставшиися в наших летописях о баснобожии славян, можно заключить, что сей богине наивеличайшее воздавалось в Киеве почитание в княжение Владимира до просвещения его божественным светом христианства. Будучи, по словам древних летописцев, женолюбив, воздавал великую честь богине любви, и может при нем установлены обряды служения, описанные творцом «Владимириады»; и сие потому, что оные обряды служили ему пособием к избранию прекраснейших из девиц.

Лея

— Божок пламенный, рассыпающий или мечущий из руки искры. Сила его состояла в воспламенении любви. Он есть сын красоты, как и естественно красота рождает любовь. Изображался он в виде златовласого, как и мать его, пламенного, крылатого младенца: свойство любви воспламенять. Он метал из рук искры: любовь восплаляет сердца не искрами ли как бы исходящими из очей, из уст прекрасной или лучше любимой (потому что в языке любви красотой называется что каждому из неразделимых в особенности страстно нравится) особы? Безотлучно находился при своей матери: весьма естественно любви всегда быть при красоте; красота всегда производит любовь. Он старший сын Лады: при соединении двух полов любовь все прочее предваряет. Впрочем г. Херасков дает ему по подобию Эрота лук и стрелы:

*Сын Ладин в воздухе взвивается
крылами,
И напрягает лук пернатыми
стрелами.*

После следует Брак, который есть второй сын Лады и именуется Полеля.

Полеля

— Второй сын богини любви. Всякая чистая и на добродетели основанная любовь влечет за собой брак. Почему славяне вымыслили, или лучше, истину прикрыли покровом сего вымысла. Сие божество улыбающееся в шипковом венке, подает рукою простертою шипковый же венок, а в другой держит рог питания верности. Он есть нагой, как брат его, но одет в тонкую ризу или рубаху. Сие божество также имело свои божницы в Киеве, хотя и в других местах было чтимо. Херасков так его определяет:

*Полель веселостей богиню прово-
жал;
В нем Киев брачные союзы обо-
жал.*

Дид

— Вот третье чадо матери любви, жизнь супружняя; сей так же как и брат его всегда молод. Потому что супружняя связь, натурою установленная для размножения человеческого рода, не должна ослабевать или стареться. Супруги перестают быть супругами только тогда, когда жар любви мало по малу угасает: тогда они становятся друзьями. Сию последнюю связь разрывает одна только смерть. Он одет в полную славянскую одежду; венок на нем из васильков; он ласкает держа в руках двух горлиц. Сей бог имел свой в Киве храм, и ему молилися замужние и женатые о благополучном супружестве и деторождении.

Дидилия

— Так же из семейства Лады. Она почиталась не только покровительницею благополучных родов, но и разрешительницею неплодных женщин. Почему и прибегали к ней для моления как чреватые так и бесплодные. Истукан ее представлял молодую прекрасную женщину, имеющую на голове наподобие венца украшенную жемчугами и камнями повязку; одна рука у ней была разжата, а другая сжата тылеснею или кулаком. Наизнатнейший, сверх других, храм ея был в Киеве. Сею богинею оканчивается ладино семейство, изобретение коего весьма натурально, полно, верно и прекрасно. Греки дали Венере одного Эрота или Любовь: Кимен и Гименей были ей чуждые; а над родами начальствовала Юнона. Но славянское воображение будучи вернее, хотя и не настолько живо и летуче, составило из всех сих одну семью совершенную.

Мерцана

— Под сим названием славяне разумели зарю. Следовательно ей можем придать те же приложения, кои Гомер, списывая с природы, прилагает к своей заре; он ее называет «рудожелтою зарею», иногда же «златобагряною». Она у него появляется по два раза на день. Когда Феб выезжает на небо; тогда утром поднимая мрачный покров ночи своими розовыми перстами, показывает на малое время свою златобагряную одежду. Как же скоро Феб въедет на небо, то снова скрывается; а в другой раз, как скоро Феб приблизится к западным вратам своего дома, она ему оные отворив и встретив дожидается пока проедет, и до тех пор ее златобагряная риза бывает видна, доколь опять не отпустит она завесы ночи. Но славянская заря при отправлении сего служения Световиду выходит иногда ночью резвиться над нивами, порхая над созревающими классами. И тогда зовут ее Зарницею. А как верили, да и теперь еще верят, что зарница способствует к большому обилию и к скорейшему созреванию жатв, то

и почиталась покровительницею нивяных плодов. А посему молили ее об урожае хлеба. Признак ее, как богини жатвы, классовой венчик; как заря, румяна и в златобагряной одежде, которая состоит из обширнейшего покрывала или фаты, прикрывающей задние полголовы, у груди приколотой или простирающейся до земли. Сия богиня особенно сельскими жителями почиталась.

БОГИ ЗЕМНЫЕ

Триглава

— Также сокращенно именовалась Тригла. Сия богиня не имела храма в городах и селениях, а находился он на полях киевских; истукан же ее представлял женщину о трех головах. Славяне, кажется, благоразумно поступали, не вмещая храма богини, изображавшей землю, среди жилищ. Три ее главы означают три начала, составляющие земной шар, т. е. земля, вода и воздух: ибо существование огня полагалось вне земли. Сему доказательством служит Прометей, похитивший огонь с неба. Нет ничего лучше сей догадки, как поставить храм земли под открытым небом, поелику самое изображение сего храма и богини значило землю. Сверх сего три ее главы могут представлять собою горы, долины и леса. В смысле же отвлеченном, богиня сия, кажется, изображала продолжение времени, настоящее, прошедшее и будущее.

Волос

— По причине пользы, получаемой от скота, коего сей бог почитался покровителем, после Перуна, бога ужаса, Волосу, подателю через сохранение скота великих польз и благ людям, воздавалось величайшее почитание. Самое имя означает его вельчтимым: ибо Велес, через толкование слова, значит великий есть, т. е. великий, а Волос, владеющий, т. е. обладатель. Сие высокое почитание к нему славян видно в летописях из договоров Святослава с греками, когда в соблюдении мира греки присягали целуя крест и Евангелие, а Святослав, вынув из ножней саблю, клялся над нею Перуном и Велесом богом скотским. Имя Велеса, как хранителя скотов, еще и поныне сохраняется в созвучном оному имени св. Власия, или попросту Власа, которого деревенские жители называют коровьим богом, точно так как св. Егория, коневым и овечьим. Он с бычачьими рогами, в простой одежде, держит в руке чашу с молоком: ибо он предпочтительно покровительствовал крупному рогатому скоту. В жертву ему при-

носились коровы и быки. В Киеве воздвигнуты были ему божницы, равномерно и в других городах имел свои капища.

Херасков говорит так о сем идоле:

*Там Велес паствы бог...
Что согласуется с моим описани-
ем.*

Могошъ

— И сей по Нестору есть так же бог скотов: Однако ж надобно заметить различие между Могошем и Велесом. Первой крупного скота бог, другой же мелкого, как то, овец, коз и проч. А как польза от мелкого скота получаемая состоит во-первых в шкурах и потом в мясе, то и изображение сего бога будет тому соответственное: с мохнатой козлиной бородою, с бараньими рогами, в шубе бараньей на выворот, в руках палка или пастуший посох, в ногах у него быть положен барашек. Сей бог так же имел по городам свои храмы; а почитаем был всего более поселянами.

Купало

— Веселый и прекрасный бог, одетый в легкую одежду и держащий в руках цветы и полевые плоды; на голове имеющий венок из цветов купальниц, бог лета, полевых плодов и летних цветов, Купало. Он почитается третьим по Перуне и вторым по Велесе: ибо по скотоводстве земные плоды всего более служат к содержанию и продовольствию человеческой жизни, и составляют его обилие и богатство. Мерцана любила нивы, слетая ночью на оные, играя и резвясь над ними, а может и с самыми классами, любимейшими ее растениями, которых созреванию способствовала: сие же самое божество пеклось о изобилии и благополучном созревании всяких полевых произрастаний. Вероятно, что по приведении в зрелость классов, Мерцана их оставляла и препоручала дальнейшее о них попечение Купале. И он-то должен был сохранять их от непогод, сильных ветров, и покровительствовать земледельцам, собирающим их. Или, поелику Мерцана только ночью сходила для любования ими, то

станется, что дневное попечение брал на себя Купало. Как бы то ни было, но самые жертвы, приносившиеся ему перед начатием жатвы доказывают, что он сверх других полевых произведений покровительствовал так же и нивяным.

Празднование ему установлено было месяца червеца 23 и 24 дня. Тогда молодые люди обоих полов в венках и опоясаниях (гирляндах) из купальниц и других цветов вокруг расположенного огня при пении песен плясали, почасту через оный перескакивая. Песни же сии были или в честь Купале, или в оных припевалось только его имя. Таковые песни еще и по сие время по некоторым деревням и селам продолжаютя. По восприятии Россиею христианской веры прошло более восьмисот лет, и совсем тем следы древнего баснобожия все еще не могут изгладиться: столько чело- веку любезны боги образованные им по своему подобию, страстям и нравам!

Родомысл

— Божество славян варяжских, покровитель законов, податель благих советов, мудрости, красных и умных речей. При начатии градских совещаний или сходов, относящихся к благоденствию града, или к отвращению угрожающей общей напасти, ему молились, принося жертвы. При всяком важном предприятии, требующем мудрости, Родомысл был призываем. Сие божество имело в городах при Варяжском море свои храмы. Истукан его представлял человека в размышлении, упершего в лоб указательным перстом правой руки; в левой же руке щит с копьем. Сие божество кажется быть тоже, что у цельтов Биддер, бог мудрости и красноречия.

Сьва

— Собственно богиня осени и садовых плодов. Изображалась в виде нагой женщины с полными сосцами, имеющей волосы висящими до подколенок, и держащей в правой руке яблоко, а в левой гроздь. Суеверие, делавшее себе из всего богов, из благорастворения воздуха, умеренности погод, и обыкновенного плодоносного года, образовало себе особенное божество, будто бы благославляющее сады его и огороды, и оному молилось и просило его о покровительстве. Впрочем изображение сей богини остроумно. Нагота ее изображает состояние природы в плодородную часть года; полные сосцы и длинные волосы, общую всех тварей питательницу во всем преизобилующую; яблоко служит эмблемою матери нежащей милых чад своих, гроздь же уповающей всех роскошью. Сьва была божеством не только плодов садовых, но и самого времени их поспевания, осени. Она особенно почиталась от славян, живших при Варяжском (Балтийском) море.

Зевана

— Богиня звериной ловли. И подлинно славянам, жившим почти во всей России среди лесов, и промышлявшим ловлею зверей, сия богиня была не последней важности. Векши (векоши и ногаты) и куницы (куны) составляли в древности не только их одежду (здесь говорится о славянах древлянских, т. е. живших по лесам), но еще и вместо ходячей монеты употреблялись. Сия богиня изображается в куньей шубе, которой верх покрыт беличьими шкурами. Сверху надета вместо епанчи кожа медведя коего голова служит вместо шишака. В руках лук, натянутый с тупой стрелою или капканом, подле нее положены лыжи и битые звери, так же рогатина и нож. В ногах лежит собака. Сей богине полились ловцы, прося у нее счастья в звероловстве. Храмы ей сооружены были в лесах. В честь ей приносилась часть добыч, получаемых охотою.

Чур

— Почитался богом межей. Он не имел храмов; но был божество умственное. Его просили о сохранении межей на полях. В рассуждении виду, может быть не представляли ли его камни, положенные для определения между полями границ? Слово «чур» и нынче употребляется, означая воспреещение какого-либо действия. Сие слово у колдунов таинственное, коим они призванного черта опять прогоняют. В заключение скажу, что я не ручаюсь за свое слововоспроизведение: я намекнул только мою догадку, а догадка для сего не есть еще самоистинна.

Прове

— Он же именуется Проно. Сии оба слова имеют сходные между собою значения. Прове или Проветь, провещающий, пророчествующий; Проно же от слова прознать, т. е. предведать, или проникнуть. Почитаем был Прове вендскими и померанскими (т. е. поморскими, приморскими, поморянскими) славянами. Они его считали вторым по Световиде, коему воздавали величайшее почитание. Истукан сего божества стоял на высоком густолиственном дубе, перед которым поставлялся жертвенник для жертвоприношений; вокруг же дуба усеяно было по земле двуликими, триликими и четвероликими болванами. Кажется, что под сим божеством славяне разумели предопределение, управляющее миром и распоряжавшееся будущим. Впрочем, не жрец устами бога предсказывал, но думали, что сам Прове, вселясь в жреца, говорил его устами. Ему приносили в жертву пленных: по заклании жрец точил кровь их в чашу и прикушивал; а от сего и верили, что он получал через то большую силу к редсказа-

нию. По окончании жертвы, и получении благоприятного предречения, кумирообожатели начинали есть, пить и веселиться.

Радегаст

— **Б**ыл обожаем также варяжскими славянами. Он почитался защитником городов. Истукан его был наподобие варяжского славянина, вооруженного копьем, держащего в левой руке щит с изображением на нем волчьей головы; в шлеме, на коем представлен был петух с распростертыми крыльями. Все сии признаки означают в нем блюстителя города: копье, пораителя врагов; щит, градоправителя и защитника, волвьья голова, силу и крепость; петух, бодрость и бдение в сохранении городов, которые у старинных славян (точно как у греков и италианцев древних) составляли каждой в особенности особое общенародно или государство.

Радегаст, как и самое имя его объясняет, значит пораителя неприятелей. Ему сверх других жертв, приносили кровь человеческую. Будучи равномерно почитаем прорицателем через жреца, должен был уделить

часть варварской жертвы своему служителю, который при выточении из несчастного жертвуемого крови его, оную прикушивал, как бы через то сообщаясь с богом. По окончании жертвы и предсказания, начинался общественный пир, после которого играли на музыкальных орудиях и плясали. Здесь заметим мы однажды навсегда о всех при Варяжском море обитавших славянах, что боги их были так же бесчеловечны, как и они сами. Славяне при поселении их на сих берегах, и смешавшись с поморскими финцами, промышлявшими наездами и грабежами по морю Варяжскому, они переняли у сих варварский их промысел, и так же разъезжали по морям для грабительств. А сие самое упражнение уменьшило или совсем истребило в глазах их ужас и отвращение к противоестественным жертвам, поелику, по известным законам природы, привычка от усиления делается второю натурою. Самому Световиду, богу кроткому и благотворному, дерзали приносить кровь человеческую; наконец прибавим еще, что при заклании как животных так и людей, мечтали приносить в жертву богам

душу, которая у всех непросвещенных народов полагалась в крови; а посему кровь и была святейшим пожертвованием идолу.

Корс

— Вот и покровитель охотников до пива и меду. Нагой, одутловатый венок на нем сплетен из хмелевых плетней с листьями; перевязь на нем хмелевая же. В правой руке держит ковш, из которого хочет пить; вокруг него лежат груды черепьев от разбитых кувшинов; сам же сидит на утлой, вверх опрокинутой дном бочке. Славяне молились ему, выступая на пьянственные поединки. Ибо в древности не только у славян, но и в целой Европе тот не малым почитался богатырем, кто мог перепить всех. Тогда, как в наши вычищенные времена, пьянство не только не приносило стыда, но еще тот должен был терпеть посмеяние, кто или не пил, или не мог пить много. Цесарь то же самое говорит о германцах, что они пьяной напиток, известным образом сваренный (пиво) пьют до излишества, и кто больше других выпьет, тот большую получает честь. Но не сказали ли так же

и персы в честь Александру, что он храбр, прекрасен, умен и всех перепивает? Сей порок у греков долгое время (да едва ли еще и теперь) почитался добродетелью или лучше похвалбою и молодечеством. Анакреонт, воспевая любовь, вместе с нею славит свои роги, из которых прежде пивали, и в виде сих самых рогов были покалы, сделанные из металла или дерева. Но наши предки, особенно воины, любили в торжественных пирах пить из черепов убитых ими злейших их врагов, в знак торжествования над оными. И сей обычай собственно не славянский. Почти все полупросвещенные народы, главнейшее упражнение свое полагавшие в войне, так поступали. Примером тому цельты (датчане), норманцы (шведы) и проч. Да и ныне обычай сей сохраняется у многих диких народов.

Ясса

— Божество славян полянских и гертов.

Позвизд

— Свирепый бог непогод и бурь. Русский эпический поэт о нем так говорит:

*Там Посвист; бурями, как ризой,
вкруг увитый...
И вот старинное о нем понятие:
С брады дожди льют проливные,
Из уст валят туманы злые.
Тряхнет ли Позвизд волосами?
Валит на землю полосами,
Нив истребитель, крупный град.
Махнет ли хладною полою?
Звездчат снег хлопьями валит.
Летит ли облачной странюю?
Пред ним предидет шум и свист;
Полк ветров, бурь за ним несется,
Взывая к небу прах и лист;
Столетний дуб трещит и гнется;
Бор клонится к земле травую,
Трепещут реки в берегах.
Крутится в голых он скалах?
Свистит, ревет, гулит, ярится.*

*Ударит ли в утес крылом?
Вздрыгнет гора; утес валится:
И в пропастях катится гром.*

Итак, Позвизд имеет вид свирепый, волосы и бороду всклокоченную, епанчу долгую и с крыльями нараспашку. Ему, как и виргилиеву Эолу, местопребывание должно дать на высоких горах. Он имел близ Киева храм на поле: потому что суеверие думало, что этот вымышленной и образованной с деяний природы бог мог залетать в сей построенной ему постоянной дом. Киевляне распространяли власть его; они почитали его не только богом бурь, но еще и всяких воздушных перемен, как добрых, так и худых, полезных и вредных. Почему и просили о даровании красных дней, и об отвращении непогод, который почитались находящимися под его властью и управлением. А и того еще вероятнее кажется, что они молили его не столько о подавании им блага, сколько чтоб не причинял им зла, по которой самой причине и всем вредоносным богам воздавалось почитание. В Владимиряде Позвизд таким образом похваляется своею силой:

*Я двину облака и воды возмущу,
Реками дождь и град на землю
низпущу.*

*Мне в бурях к свойственной свире-
пости прибегну;*

*Я грады низложу, двор царской
опровергну...*

Догода

— **В**от милое божество, противоположное свирепому Позвизду! Младый, румяный, русокудрый, в васильковом венке с голубыми по краям позолоченными крыльями бабочек, в среброблестящей голубоватой одежде, держащий в руке шипок, и улыбающийся на цветы, летя над оными и помахивая им, есть славянский бог приятного весеннего времени; тихий, прохладный ветерок, Догода. Он имел свои храмы, и ему жертвовали песнями и плясками.

Зимстерла

— Под сим именем предки наши почитали богиню весны и цветов. Она имела свои божницы, и праздники её были в месяце цветене (апреле): потому что в южных странах России с этого месяца начинается весна. Сия богиня, хотя и скрывается иногда, но в свое время появляется снова в прежней своей молодости. Изображается она прекрасною девицею, одетою в легкое белое русское платье, подпоясанною поясом розовым, переплетенным золотом; на голове у нее из роз венки; в руках держа лилею, нюхает. Грудь ее вся открыта; на шее ожерелье из цикорей. Перевязь через плечо цветочная. Ей приносимы были в жертву цветы, кои, собирая в ковшницы, поставляли перед ея кумиром, равно как и капище в ея праздники убиралось и усыпалось цветами.

В богиню сию, равно как и в дары ее, всегда влюблен Догода.

Зимерзла

— Богиня суровая. Дышущая холодом и морозами. Одежда на ней наподобие шубы из сотканных вместе инеев. А как она царица зимы, то порфира на ней из снега, сотканная ей морозами, чадами ея. На голове ледяной венец, унизанный градами. Богиней сей молились о умерении её жестокости.

ПРЕИСПОДНИЕ ИЛИ ПОДЗЕМНЫЕ БОГИ

Чернобог

— Ужасное божество, начало всех злоключений и пагубных случаев, Чернобог изображался облаченным в броню. Имея лицо исполненное ярости, он держал в руке копье готовое к поражению, или больше — к нанесению всяких зол. Сему страшному духу приносились в жертву сверх коней, не только пленные, но и нарочно ему предоставленные для сего люди. А как все народные бедствия приписывались ему; то в таковых случаях молились и жертвовали ему для отвращения зла. Сего ужасного лжебога.

Г. Херасков так описывает:

*Шумяц оружием приходит Чернобог;
Сей лютый дух поля кровавые оставил,
Где варварством себя и яростью прославил;
Где были в снедь зверям разброса-*

*ны тела;
Между трофеями где смерть вен-
цы плела,
Ему коней своих на жертву прино-
сили,
Когда россияне побед себе проси-
ли.*

Сильный бог, был бог телесной крепости, мужества; Лед, бог войны, храбрости и военных доблестей, бог победоносная славы; Но сие страшное божество услаждалось кровопролитием и неистовством. Тем воздвигала жертвенники благодарность, как бы за низпосланные ими дары воинские, и молились им, прося дать силу для защиты себя и отогнания врагов: но сему ужасному духу сооружал храмы Страх и Ужас. Его просили только об отращении зла, как оно источник; но благодати в нем не уповали найти, и не искали ея.

Из некоторых описаний видно, что храм его построен был из черного камня; истукан выкован из железа, перед коим стоял жертвенник для сожжения ему жертв. Помост его храма, сказывают, был напоен кровью; что и вероятно, когда представляли его таким звер-

ским и кровопийственным существом.

Ний

.....зрю огненного Ния:
В нем ада судию быть чаяла Рос-
сия.
Он пламенный держал в руках на
грешных бич.
«Владимириада»

Вложенное в человека самую природою
умопредставление бессмертия души и на-
дежда

жизни по смерти, которой счастливое или
злополучное состояние зависит от порочной
или добродетельной настоящей жизни, пода-
ло средство всем народам к вымышлению бо-
гов мстящих по смерти за беззакония, в сей
жизни учиненные. Равно как проведшим
здесь жизнь свою благочестиво, но гонимых
лютым роком без жалости, и страждущих
невинно, награда, уготовляемая им в буду-
щей жизни, состояла в особенных народам
любимейших удовольствиях.

Цельтийский рай богатырей или Валгалла

услаждал рыцарский дух угодников своих воинскими

играми как битвами, на коих убитые при наступлении обеденного времени опять пробуждались от смертного усыпления, и шли с победителями без всякой вражды за один стол, где угощали их

вкуснейшими из кабаньего мяса приготовленными яствами, и подчевали до избытка пивом; по окончании же всегда возвращались снова к рыцарским своим упражнениям. Но нечестивые все были во власти Мидгара и Ферниса, или самое существование их исчезло.

Славяне полагали (по примеру многих других народов) место казни для беззаконников внутри земли. Судьею и исполнителем казней определили им особенного неумолимого и безжалостного бога Ния,

*Имеющего свой внутри земли престол,
И окруженного кипящим морем зол.*

«Владимириада»

*Сей судия мертвых почитался
так же насылателем
.....ночных ужасных привидений.*

«Владим.»

Из устных преданий, оставшихся в старинных сказках, видно, что истукан Чернобогов был выкован из железа. Престол его составлял краеугольный камень из черного гранита высеченный В знак своего владычия, имел на голове зубчатый венец, в руке свинцовый скипетр и огневидный бич.

Жертвовали ему не только кровию животных, но и человеческою, особенно же во время каких-либо общественных злоключений.

Стрибог

— Божество, наказывающее беззаконников в преисподней, и бич злодеяний в сем мире. Он так же истребитель всего видимого подобно индийскому Сибе, или разрушителю, точно как бог Живот сохранитель сходствует с индийским божеством Вишну. Его мести предавались заслужившие проклятие.

Яга баба

— Это очень злая, старая и мощная колдунья или волшебница вид у нее страшной. Она не столько в аде живет, сколько на этом свете. Дом ее избушка на курьих ножках, стоит и сама поворачивается. Древние наши богатыри всегда её нахаживали лежащею на лавке; нос ее висит через грядку (шест в избе для вешания укрепленный). Сия старая колдунья не пешком ходит, но разъезжает по белу свету в железной ступе (т. е. колеснице самокатной); и когда она в ней прогуливается, то понуждает оную бежать скорее, ударяя

железною же палицей или пестом. А чтоб для известных ей причин не видно было следов её, то заматаются они за нею особенными к ступе проделанными мелом и помелом.

Кикимора

— Бог сна и ночных привидений. Их представляли себе множество; а по сему и можно их почестъ за служителей и послов Ниевых. Происхождение им дают от рода человеческого; они живут так же и в домах; простолюдины верят, что они по ночам в потемках прядут, и хотя их самих нельзя видеть, но утверждают, что слышно движение веретена. В самом же деле, или кошка в то время курнычит, или червяки точат дерево, либо ползают тараканы. Впрочем, сии духи не опасны; они никому не причиняют зла, хотя иногда и беспокоят, однако ж не столько как домовые, которых простой народ считает самыми беспокойными проказниками. Кикиморы, по мнению тонких в сей материи знатоков, суть рода женского, и от сообщения с домовыми духами продолжают и свой и последних род. В домах живут они будучи туда

посланы на урочное время; но отечество их
преисподняя.

ВОДНЫЕ БОГИ

Царь морской

— Владычество над морями препоручили Видолопоклонствующим славяне особенному божеству, назвав его царем морским. Будучи столько же древен, как и самое море, имеет венец из морского папоротника; разъезжает по морям в раковине везомой морскими псами; в одной у него руке весло, знак укрощения волн, в другой же острога, знак их возбуждения. Обиталище его во глубине океяна, где чертоги и престол так изображены г. Ломоносовым:

*В недосызаемой от смертных
стороне,
Между высокими кремнистыми
горами,
Что мы по зрению обыкли звать
мелями,
Покрытый золотым песком про-
стерся дол:
Столпы вокруг его огромные кри-
сталлы,*

По коим обвились прекрасные кораллы.
Главы их сложены из раковин витых,
Превосходящих цвет дуги меж туч густых,
Что кажет укротясь нам громовая буря;
Помост из аспида и чистого лазуря,
Палаты из одной изсечены горы;
Верхи под чешуей великих рыб бугры;
Уборы внутренни покров черепокожных
Бесчисленных зверей во глубине возможных.
Там трон жемчугами усыпанный янтарь,
На нем сидит волнам седым подобный Царь.
В заливы, в океан десницу простирает,
Сафирным скипетром водам повелевает.
Одежда царская, порфира и виссон,
Что сильные моря несут ему пред

трон.

«Петриада»

Его особенно чтили поморские славяне, варяги, т. е. морские наездники, умоляя о счастливом по волнам плавании.

Чудо морское

— Служитель и вестник Царя морского. Онный кажется быть совершенно подобен Тритону греков.

ПОЛУДУХИ

Сие общее название даю я таким мечтаемым существам, коих воображали себе ни совсем бестелесными, ни телесными, и кои как бы в своих стихиях обитали, иные же в лесах, в реках, в омутах и проч. Они суть:

ЛЕШИЕ, обитатели и хранители лесов. Сии особенного свойства. Когда идут по лесу, то равны с лесом, когда же по траве, равны с травой; а иногда являются они людям в образе человеческого.

ВОДЯНЫЕ ДУХИ, или Дедушки живут в глубоких местах рек, где имеют великолепные дома. Они уносят купающихся по тем местам людей, особенно же мальчиков, коих и приучают жить у себя в домах; а сии впоследствии заступают место сих Дедушек. Равно как и лешие уносят молодых детей, и, воспитав их в своих лесных обителях, делают по себе преемниками.

ДОМОВЫЕ, кои живут в домах и дворах. Ежели в котором доме Домовой полюбит хозяина, то кормит и холит его лошадей, о всем

печется, и у самого хозяина бороду плетет в косы. Чей же дом не полюбит, там разоряет хозяина в корень, переводя у него скот, беспокоря его по ночам, и ломая все в доме.

РУСАЛКИ, полудухи женского рода. Живут они обыкновенно в речках, из которых часто выходят в красную погоду на берег, где сидя, чешут свои зеленые волосы гребнем; но лишь заметят кого-либо идущего, тотчас бросаются на дно ручьев.

БОГАТЫРИ

Они почитаемы были не как боги, но как люди, одаренные перед прочими высшими дарами неба, или как у греков их полубоги. Таковы были:

ВОЛОТЫ, исполины непомерной величины и силы. Из сказок древних видно, что сверх силы, имели они еще дар неуязвимости. Впрочем заметить должно, что древние славяне под именем Волотов разумели римлян. Слава силы и могущества римского народа представила их воображению оных великанами; а потому и наделали себе из римлян особенных великорослых непобедимых существ.

ПОЛКАН, так же богатырь, но только чудного телосложения. Он до половины был муж; а от пояса до низа конь. Бегал крайне быстро; облечен был в латы; сражался стрелами. Кажется, что многие были Полканы.

СЛАВЯН. Князь славян, брат Вандала почитался полубогом. Ему приписывали силу, мужество и храбрость чрезмерные. Он по прибытии с своим родом и славянами построил

на реке Волхов город Славянск; по разорении коего варягами, через несколько времени снова был сооружен, но уже под именем Детинца, по разрушении же Детинца, воздвигнут был на его месте Новгород.

ВОЛХВ С БРАТЬЯМИ. Волхв с братьями Волховцем и Рудотоком были дети Славена, все трое богатыри. Но Волхв был великий волшебник. Он не только разъезжал по реке Волхову, так по имени его названной, а до того именовавшейся рекою Мутною, и по Русскому морю, но даже плавал для добычи и в Варяжское море. Когда же он был в Славянске, то при приближении неприятелей, оборачиваясь в великого змея, ложился от берега до берега поперек реки, и тогда не только никто не мог проехать по оной, но даже и спастись не было возможности.

Озера: ИЛЬМЕР и СТУДЕНЕЦ

Реки: БУГ и ДОН

были обожаемы наравне с прочими боже-ствами. Им посвящены были огромнейшие

по берегам черные леса, куда под смертною казнию не только не отваживался заходить стрелок или птицелов для своих промыслов, а рыбак отнюдь не дерзал ловить рыбу, но и самую воду не иначе дозволялось из них черпать береговым жителям, как чтоб то были чисто убранные в цветные одежды молодые девы, которые брали воду с благоговением и глубоким молчанием. Сии красные молодницы верили, что священные леса преисполнены не скромными Духами, которые всякое громкое слово, как знак неуважения к божеству, переносили блюстителям языческой религии, а кроткие вздохи любви нашептывали в уши любовников их. В жертву им приносился предпочтительно тучный вол по цвету вод, когда оне ужасным ревом волн своих и завыванием свирепых ветров наводили ужас на людей, предрекавших себе из того пагубу. Храмов в честь обожаемых рек и озер древние славяне не строили; но священнодействия отправлялись обыкновенно на берегу. Великолепнейшие торжествования производились весною, когда воды, разрушив зимние свои оковы, являлись изумленным обожате-

лям своим в полном величии. Народ падал ниц. Моления начинались. Погружали людей в воду с великими обрядами; энтузиасты же религии в жару усердия своего добровольно топились в священной реке или озере из благоговения. Отрывки, уцелевшие до нас из старинных рукописей и простонародных песен в честь водных божеств подтверждают сказанное мною здесь, а Ломоносов думает, что славяне и самое название бога произвели от священной реки Буга.

ХРАМ СВЕТОВИДА

Мерцана еще покоилась в объятиях Царя Мвод; Часы стерегли вход и выход из солнца дома, и присноюный Световид на златом ложе покоился в объятиях Триглы, как Рурик с Олегом восходят на освещенный холм, где возносится храм Световида, храм возвеличенный и достойный бога славимого в нем! Первосвященник Световидов, Боговед, сопутствуемый жрецами, грядет ему во сретение. Рурик приступает ко вратам храма; но удивляется, видя их затворенными. «Они не могут быть отверсты, — говорит Боговед, — доколе первые лучи солнца не ударят в лицо бога; и тогда глас трубный возвестит присутствие его. Когда же последний луч сойдет с лица Световидова, глас заунывного рога и глухого бубна возвещают о сокрытии от нас благотворного светила. День мрачный в наших законах равен ночи». — Ночь была светлая и подобная зимнему дню, когда солнце слабыми лучами сквозь иней сияет.

Князь, в ожидании первых на обзоре лучей, пошел вокруг храма, желая осмотреть

его. С долу он казался ему невелик; но Рурик удивился, нашедши его огромным. Он был окружностью в 1460 шагов. Двенадцать огромных яшмовых столпов кринфского чина поддерживали навес его кровли; оглавия их были из позлащенной меди. Триста шестьдесят окон и двенадцать врат заключались медными затворами. При каждых дверях стояли два жреца с трубами. На медных вратах изображались двенадцать знаменитых доброго бога подвигов; как для пользы нагих людей он произвел овна, который в то же мгновение устремился к ним, да предложил им свою волну; как, усмирив вола неукротимого и дав им во служение, изобрел для них плуг и все земледельческие орудия; как сражается и побеждает Черного бога, похитившего чад его, близнецов Дажбога и Зимцерлу. Тамо видно Морское Чудо, чадо Чернобога, как оно, обратившись в великого рака, хочет похитить солнце; но опаленное жгучими его лучами, упадет — и сильным ударом своего хребта разбрызгивает как каплю текущий Волхов, и сделав в земле отверстие, производит море Русское. Здесь ужасный лев, с медным хво-

стом и алмазными зубами, похищает у Велеса скот, а сего бога приводит в трепет; но Световид разит его ударом золотого самосека, берет хвост его (из коего родились полозы) и зубы, и помещает на небе, где доныне видим их и называем львом. Тут изображена любовь его с прекрасной Триглавою, и терзание Чернобога, влюбленного в нее. Световид, играя на гуслях, поет ей нежные стихи; она его венчает васильковым венком, а вокруг их пляшут Зимцерла, Лада, Сева и Мерцана. Румянощечка Дидилия с распущенными златистыми волосами, в алой легкой ризе, подносит им в алмазной чаше золотой небесный мед, питье богов. Леля, сидя подле гуслей, слушает и лукаво улыбается. Дидо, взвившись в воздух, пускает тяжелые стрелы в Чернобога. Бел-бог, носясь над ними на облаке, приятно усмехается. Там Перун держит великие весы, ниспущенные им с неба для решения жестокой распри между Белбогом и чадами его, И между Чернобогом и чадами его, когда начиналась между ими жестокая брань, долженствовавшая разрушить мир; когда Ний в неистовстве потрясал землю, извергая из нее пламя, — Чу-

до Морское колебало берегами, и Яга, дочь Чернобога, вооруженная железною палицею, разъезжала на крылатой своей колеснице, и сбивала с мест горы. Но великий Перун желал примирить их и послал едину из служащих ему Молний, да возвестит волю его. Тогда род Белбога воссел в единую чашу весов, а род Чернобога в другую. Перун поднял весы, и чаша с Чернобогом вознеслась выше темных облаков; но чаша с чадами Белбога осталась на земли. — В другом месте видно было, как Световид поразил великого Скорпиона, когда сей похитил его дочь Зимцерлу, оплакиваемую Дажьбогом. Ний, зря его, от страха сокрылся, и Световид возвратил Дажбогу его сестру и супругу. Но злобный Ний, отмщая ему за сие, испустил на землю ночь, лютые мразы, снега, метелицы... Световид, поразив всех их златыми стрелами, прогнал назад в область Ния. Ний, пылая еще против него гневом, послал домового духа, да умертвит любимых коней его; но Световид создал сребророгатого и волносребристого смелого козла, и пустил для истребления сего духа. — На десятых дверях изображен бог света, лию щий с гор, из златых

водоносов, обильную воду, от которой приемлют начало реки: Волга, Днепр, Двина, Дон, и славное озеро Ильмень. Он населяет их рыбами, пуская каждого рода по двоице. Завидуя сему, Морской Царь послал кита пожрать их; но Стриба поразил его тогда же изобретенною острогою, и вынув, положил на том месте, где стоит храм Световидов; холм составился из китового праха. — Таковы были изображения на дверях. Храм сооружен был из светло-серого дикого камня. Свесы от стены до столпов измерялись двумя большими шагами, имея шесть ступеней восходу. Кровля, полушаром, состояла из вызолоченной меди. Посреди её стоял медный позолоченный истукан Световида; по краям на четыре стороны, поставлены были четыре истукана, изсеченные из мрамора. На востоке истукан Мерцаны, богини, властвующей над началом дня и предшествующей всегда Солнцу, дочери Дажбога и Зимцерлы, богини весны, супруги Царя Морского; её должность была отверзать Световиду врата небесного дому его, когда он показывался в мире. Световид для отличия даровал ей венец из единыя звезды; и риза её злато-

багряна. Радость всегда блистала на румяных её ланитах, и она в пирах подносила богам небесный мед. Мерцана, равно как и Световид, присноюна. На юг поставлен был истукан Купалы, сына Мерцаны и Севы. Он имел вид молодого человека, в короткой и легкой одежде. Огонь плодотворения пылал в его очах; чему только касался, все рождало: не только звери, скоты, рыбы и гады, но даже. деревья и травы. Он имел обиталище на юге. Жертвовали ему возжением только прутьев, с песнями и плясками: чем изображались огонь плодотворный и веселость. В ногах у него кролик; в руке пламенеющий огонь; на голове веночек из цветов, именуемых по его имени купальницами. Догода, брат его, есть из всех богов любезнейший, кротчайший и прекраснейший. Истукан Догодин стоял на западе. У него развеваются по плечам волосы: веночек из шипов; за плечами голубые крылья, и риза на нем тонкая голубая. Улыбка всегда на румянном его лице. Он столь всеми любим, что смело целует самую Ладу; в руках у него опахало. Свиного Позвизда истукан стоял на севере. Лицо его в морщинах и сердито. Голова окута-

на лоскутом кожи белого медведя; борода замерзлая; одежда из оленьей кожи; ноги обуты в кожу гагачью. В руках держал он мех, в готовности развязать для изливания морозов, бурь, снегов, градов, дождей и непогод. Он считался богом всех ветров. Повествуют, что жилище его есть на краю северном, на горах Скандинавских, где он имеет свой престол, и где у него множество детей, подобно ему жестоких. Сей бог, будучи сын Сильнобога, увеселяется, воздымая бури, потопляя корабли, ломая деревья, посылая всюду мразы и непогоды. Он требует почасту себе в жертву людей. — Таковы были четыре истукана, стоявшие на кровле храма. На холме же расставлено было соразмерным образом до трехсот пятидесяти треугольных жертвенников. Между тем, как Рурик рассматривал и вопрошал Боговеда о значении виденного им, раздался глас труб от двенадцати врат и врата отверзлись... Великий первосвященник Боговед вступил во врата западные одному ему предназначенные для входа. — Рурик с Олегом входят в храм через врата восточные, и божественный страх объемлет их душу: они зрят

лице Световида, сияющее яко медь в горниле. Великий первосвященник — по обыкновению одетый в четыре тонкие хитона, один другого длиннее: в багряный, зеленый, желтый и белый; в опаясании, на коем искусно вышиты двенадцать подвигов Световида; в златом венце, украшенном семью драгоценными камнями, — держал в руке золотую чашу, исполненную чистейшего винного духа. Двенадцать окружающих его жрецов держали великую серебряную лохань, у коей были три разные ноги: одна наподобие орла, другая — вола, и третья — кита. Прочие жрецы составляли семь поющих ликов и двенадцать ликов в трубы и роги трубящих и бьющих в бубны, и четыре лика на струнах и гуслях играющие. Тогда великий первосвященник, подошел к престолу, стал на колени, и вознесши золотую чашу, читал молитвы; после прикоснулся чашею к рогу, находящемуся в руке Световида: дух винный воспылал, и потрясли своды от гласа труб и рогов, от звука бубнов, от звона струн, гуслей и орудий, и от гласов певцов, восклицавших: «слава!» Между тем Боговед поднес пылающую чашу Князю,

который приняв ее, излил в серебряную лохань, — и взвилось перед богом лазуревое пламя жертвы благоугодной. И тогда семь ликов, хотя кругом один по единому, предводимые первым песнотворцем, так воспели:

ПЕРВЫЙ ЛИК И ОБОРОТ

*Ясен месяц во полночи,
Звезды ярко блестят ночью,
Месяц серебрит воды темныя,
Звезды златят небо синее;
Только греет одно солнце ясное.*

ВТОРОЙ ЛИК И ОБОРОТ

*Греет оно и питает нас;
Позвизд его устрашает;
Взглянет — Зимерзла бежит от
глаз, —
И Зимцерла к нам спускается.
Как благодательно для нас оно!*

ТРЕТИЙ ЛИК И ОБОРОТ

*При востоке его видеть радостно:
Когда на обзоре появляется,
Дверь золотая тогда отверзается
Веденных чертогов его.
Он из терема идет высокого,
Из высокого, из небесного,*

*Как могучий витязь с победою.
Световид! Мы тебе поклоняемся!*

ЧЕТВЕРТЫЙ ЛИК И ОБОРОТ

*Как здесь вся тварь весела,
Встретив отца и царя!
Главы подъямлют деревья;
Освежились цветок и трава;
Птички порхают, поют,
Славу и честь воздают,
Имя твое вознося.*

ПЯТЫЙ ЛИК И ОБОРОТ

*От радости трепещут
Поля стеклистых вод;
Льды светлы искры мещут,
Узря его приход...
Ему лес поклоняется,
Сырбор к земле преклоняется;
Листьев ветр не шевелит,
И дуброва не шумит;
Рек пороги лишь гласят:
«Велик, велик Световид!»*

ШЕСТОЙ ЛИК И ОБОРОТ

*Боги велики; но страшен Перун!
Ужас наводит тяжела стопа,
Как он, в предшествии страшной*

грозы,
Мраком одеян, вихрьми повит,
Грозная тучи ведет за собою;
Ступит на облак — огонь из-под
стоп;
Ризой махнет — побагровеет
твердь;
Взглянет на землю — трепещет
земля;
Взглянет на море — пеной кипит;
Клонятся горы былинкой пред
ним.
Страшный свой гнев ты от нас
отврати!..
Бросив горсть града во тысячу
мер,
Только ступил, уж за тысячу
верст;
Лишь от пяты его облак зардел,
Сильна стопа звук глухой издала
(Он землю и море потряс)
И се последняя сверкнула пола!..
Тихий, любезный Световид!
возвратися,
Нас беспомощных и сирых
утешь!..
Мило, как он оскабляется нам,
Шевствуя в бедствах утешить

людей.

СЕДЬМОЙ ЛИК И ОБОРОТ

*Почитаемы небожители
За их доблести и могущество;
Но всех доблестей превосходнее
Добродетель с милостью, с кро-
тостью;
В милосердии всемогущество,
Всемогущество Световидово.
Царю звезд, тебе поклоняемся,
Пред тобою мы повергаемся! —*

ХОР

*Только греет одно солнце ясное.
Как благодетельно к нам оно!
— Световид! Мы тебе поклоняем-
ся,
Имя твое вознося.
Коль велик, велик Световид,
Шевствуя в бедствах утешить
людей!
Царю звезд, тебе поклоняемся,
Пред тобою мы повергаемся!*

Посем двенадцать ликов, играющих на трубах, рогах и бубнах, окружили внутренность храма, воспевая в честь Световида тор-

жественные песни.

Скончалось громкое трубоглашение, и вошли четыре младые девы; у каждой в руках по кошнице. Одна была в багряном платье, имея через плечо голубое перепоясание; голова убрана лиственными шипками. Другая в зеленом, имея перевязь красную, на голове венок из миртов; третья в златоцветном, имея венок из класов и багровую перевязь; четвертая в белом платье, в серебряном увясле (диадеме), перевязь золотая. Первая, став на колена, и вынув из кошницы цветы, рассыпала их пред Световидом; другая предложила разные плоды; третья класы и виноград; четвертая златый венец. Вскоре струнное играние и пение началось, и каждый лик сперва играл особенно, и каждая дева перед Световидом плясала; потом все четыре лика, соединяясь, играли песни, и четыре девы плясали.

Лицо Световида становилось светлее; по окончании пляски истукан поколебался. Первосвященник, двенадцать жрецов, ликовствующих, певцы, игратели, трубогласители, предстоящие пророки и творцы пали на зем-

лю; и тогда рек Световид:

*Имя твое есть от запада и до востока,
И от предел моих к северу твой
есть предел;
Слава твоя да наполнит вселенную;
Яко песок на берегу, тако пламя твое;
Тысячью лет изочту я твой век;
И да поклонится всякий тебе человек!*

Песнотворцы собрали глаголы сии, написали на золотой доске и вручили Рурику: он, прочитав их, отдал для истолкования пророкам.

Тогда лицо Световидово утратило сияние, и лики возгласили отшествие на трубах, рогах и бубнах. Щедрый и набожный Рурик велел на всех жертвенниках принести Световиду по белому волу и жертвенные мяса разделить войску и народу. — Олег шествовал исполнить сие; великий же князь с Боговедом пошел в чертог свой, для собеседования с первосвященником о всем виденном, и для све-

дения от него сущности веры славян.

1804